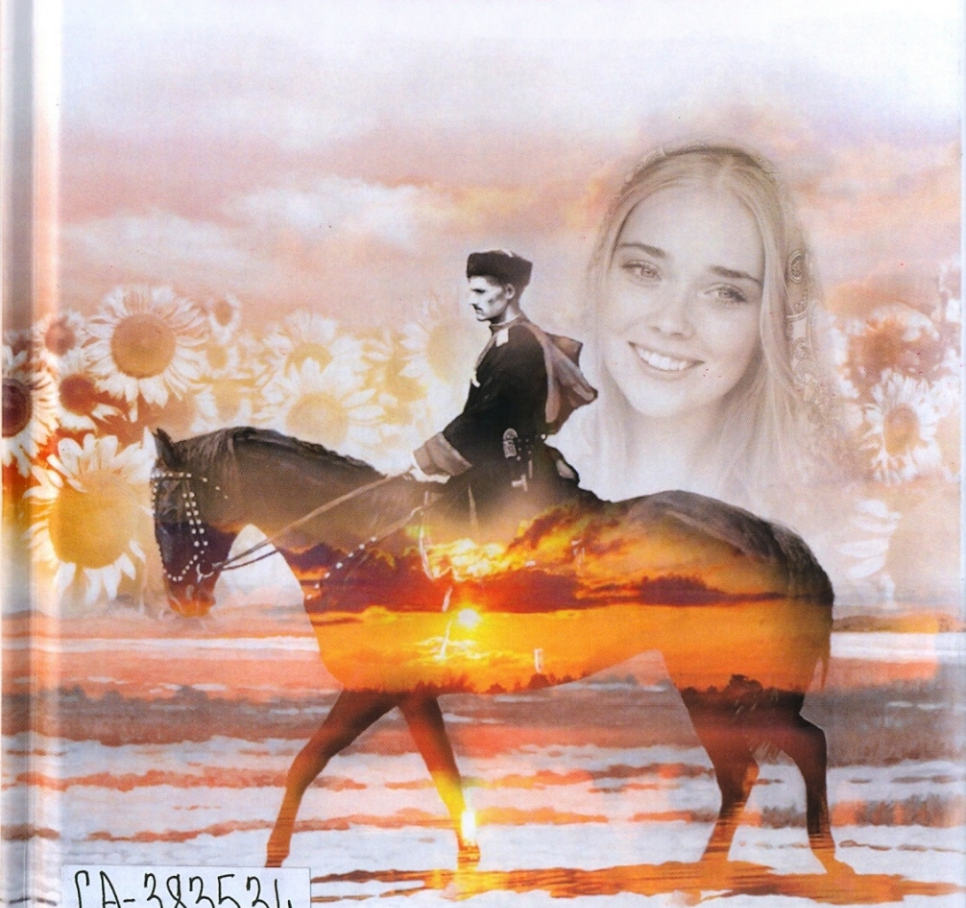

63.3(2)5
Г59

Е. В. Годовова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

CA-383534

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева» (Самарский университет)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Оренбургский филиал РАНХиГС

Е. В. Годовова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX вв.**

ДБ

Санкт-Петербург

2020

са-383534

КР

63.3(2)5
Г59

63.3(2)5-283.31

Орб3.31-28

Орб3.31-28 (РАНХиГС)

ВВЕДЕНИЕ

Среди сословий Российской империи казачество занимало особое положение. С одной стороны, оно несло военную службу и благодаря этому имело определенные привилегии. С другой стороны, казачество примыкало к крестьянству, поскольку занималось сельскохозяйственным трудом. В силу служилого характера казачество раньше крестьянства сформировалось как сословие, оказалось более оформленным, но, так же как последнее, длительное время сохраняло свою устойчивость¹.

На протяжении всего своего существования казачество выполняло три государственные функции: во-первых, занимало новые пустынные и почти необитаемые земли; во-вторых, охраняло от нападения воинственных соседей как вновь занятые территории, так и находящиеся за ними поселения мирных граждан, и, в-третьих, комплектовало часть вооруженных сил государства и несло службу вне войсковых пределов наравне с регулярными войсками², составляя 7 % русской армии, входя в состав кавалерии, пехоты и артиллерии³.

Казачеству, как своеобразной социальной системе, свойственны довольно четкие этнические и социальные характеристики. Причем они не противопоставляются или взаимозаменяются, а разводятся на разные уровни функционирования. Так, этничность доминирует в казачестве в периоды вольного, независимого от государства существования, что влияет на формирование особого казачьего менталитета. Социальные факторы начинают

¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2010. С. 515.

² Казачьи войска: опыт военно-статистического описания. Составил Генерального штаба полковник Хорошкин. СПб., 1881. С. 56.

³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). С. 543.

преобладать под воздействием государственного общерусского вмешательства⁴.

Этнограф, исследователь традиционной культуры кубанского казачества Н. И. Бондарь на примере Кубанского казачьего войска предложил типичную для казачества в целом модель повседневности, состоящую из двух достаточно самостоятельных «миров» — военного и гражданского, во многом взаимосвязанных и взаимно перекрывающих друг друга⁵. Синтез сложного объединения и взаимодействия традиционного бытового уклада жизни и профессиональной воинской культуры способствовал установлению порядка в экономической и общественной жизни этого военно-служилого сословия, оказывая воздействие на повседневную жизнь казачьей семьи.

Современная нестабильная геополитическая обстановка заставляет обратиться к историческому прошлому казачества, и сегодня представляющего собой реальную социально-политическую силу, составную часть политической системы России. Как специфический политический институт оно формируется социально активными российскими гражданами, пытается сочетать интересы значительной части населения и собственные групповые интересы на основе последовательного и неуклонного укрепления Российского государства⁶. Именно поэтому основополагающей задачей должно стать переосмысление роли казачества как социально-политической институции современной России — составной части ее государственно-политической, социально-экономической, духовно-нравственной, идеологической и культурной систем⁷.

⁴ Сопов А. В., Заседателева Л. Б. Динамика статуса казачества // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: гуманитарные науки». 2015. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/10115932/> (дата обращения: 22.04.2020).

⁵ Бондарь Н. И. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар, 2000. С. 92—120.

⁶ Озеров А. А. Взаимодействие органов государственной власти с казачьими обществами и объединениями в современной России: на примере ВКО ВВД // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития : материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.) / отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар, 2012. С. 207.

⁷ Сопов А. В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 4.

Опора на «историю повседневности» как методологическую основу изучения жизни казачества в период активизации модернизационных процессов второй половины XIX — начала XX в. позволяет расширить познавательные горизонты, способствует приращению новых знаний, дает возможность увидеть то, что при традиционном изучении материального положения и быта казаков разглядеть было невозможно. Действительно, подобное исследование позволяет углубить представления о социокультурной жизни населения казачьих регионов, расширить наши знания об их истории, что будет способствовать активизации обсуждения актуальных, а также дискуссионных вопросов о социокультурной интеграции казаков в российское общество, взаимодействии семьи и службы казаков, экономическом статусе казачьих войск на современном этапе.

В своих работах, посвященных исследованию казачества, В. В. Глущенко определяет его как «казачий феномен» и доказывает правомочность использования такого термина рядом характеристик.

Во-первых, казачество сложилось как своеобразная социальная организация, имеющая определенные черты: оригинальный вариант общины с элементами казачьей демократии; военизированный характер этой общины с соответствующей служилой иерархией; одновременно — отсутствие общероссийской социальной структуры, однородность, целостность казачьего сообщества.

Во-вторых, экономика казачества отличалась своеобразием хозяйственного уклада, экономических условий жизни в виде определенных привилегий, налоговых льгот, наличием значительных земельных ресурсов (войсковые земли), позволяющих, с одной стороны, иметь значительно большие, чем в России, участки, а с другой — получать доход от сдачи земли в аренду.

В-третьих, казаки имели оригинальные духовные и культурные традиции⁸.

Исходя из того что казачество является сложной этносоциальной системой, формировавшейся в течение нескольких веков и вобравшей в себя многообразные этнические, социально-экономические, культурно-исторические, политические элемен-

⁸ Глущенко В. В. Казаки и государство. Изд. 2-е. Ростов н/Д, 1999. С. 13.

ты⁹, при его изучении можно использовать не только традиционные методологические основы, но и новые подходы, позволяющие выявить социальные особенности повседневной жизни казачьих регионов.

«История повседневности» (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) — отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах¹⁰. Являясь одним из современных направлений развития исторической науки, «история повседневности» сформировалась во второй половине XX в. в процессе становления так называемой новой социальной истории — аналитической междисциплинарной науки, в центре которой оказался «человек в обществе». Рассматривая в качестве основы истории обыденную жизнь обычных людей, «новая социальная история» перенесла акценты в изучении исторической жизни на уровень анализа невербальных, иррациональных аспектов жизни. Уделяя все меньше внимания материальным мотивам поведения людей, представители данного направления сосредоточили внимание на национальных и культурных воззрениях, религиозных верованиях, моральных ценностях, образовании, возрастных особенностях и половой специфике тех или иных групп¹¹.

Анализ повседневной жизни есть попытка вникнуть в человеческий опыт; следовательно, чтобы определить содержание понятия «повседневность», необходимо решить вопрос о том, какой человеческий опыт следует рассматривать при этом, а какой нет¹². Повседневность является продуктом длительного

⁹ Николаенко И. Н. Исторический аспект формирования казачества как этносоциальной системы [Электронный ресурс]. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/593/uch_2008_xiv_00017.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁰ Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 4. С. 7.

¹¹ Орлов Б. Д. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М., 2012. С. 83, 85.

¹² Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 22.04.2020).

исторического развития. «Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который... мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению»¹³.

Термин «повседневность» в широкий научный оборот сферы исторического знания был введен Фернаном Броделем. В работе «Структуры повседневности: возможное и невозможное» он писал о том, как можно познать повседневность: «Материальная жизнь — это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи — пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов — словом, все, что служит человеку, — вот единственный способ ощутить его повседневное существование»¹⁴.

Характеризуя повседневность, Бродель подчеркивал следующее: «Исходным моментом для меня была — повседневность — та сторона жизни, в которую мы оказались вовлечены, даже не отдавая себе в том отчета, — привычка, или даже рутина, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничьего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем на половину погружено в такого рода повседневность. Неисчислимые действия, передававшиеся по наследству, накапливающиеся без всякого порядка, повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить — и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам»¹⁵.

Базовой концепцией в парадигме повседневности является социальная феноменология А. Шюца. Реальность, по А. Шюцу,

¹³ Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996. С. 108—109.

¹⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 41.

¹⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 13.

это «переживаемый в естественной установке бодрствующим взрослым человеком мир повседневной жизни»¹⁶. Переживание и интерпретация этого мира, по сути, одно и то же. Основа любой интерпретации — запас прежних переживаний мира, данный человеку в форме «наличного знания». Интерсубъективность (важнейший параметр мира повседневной жизни) реализуется посредством социальных действий, которые рассматриваются А. Шюцем как коммуникация¹⁷.

А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности как особые формы реальности: 1) трудовую деятельность; 2) специфическую уверенность в существовании мира; 3) напряженное отношение к жизни; 4) особое переживание времени; 5) специфику личностной определенности действующего индивида; 6) особую форму социальности¹⁸. Соглашаясь с Н. Н. Козловой, можно сказать, что повседневность является продуктом социального конструирования¹⁹. И встает вопрос о «началах и концах» (ибо повседневность текуча и изменчива, как сама жизнь): с какого момента конкретная повседневность достигает в своем становлении стадии осуществления и с какого момента она трансформируется.

Н. Л. Пушкарева к категории повседневности относит: событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей²⁰.

По мнению С. В. и В. А. Любичанковских, на субъект повседневности (в нашем исследовании это казачество) влияют «условия его протекания», т. е. все то, что влияет на повседневность субъекта, разрушает или ускоряет его устойчивость²¹.

¹⁶ Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 402.

¹⁷ Там же. С. 428.

¹⁸ Ионин Л. Г. Социология культуры. С. 124.

¹⁹ Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 14.

²⁰ Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований.

²¹ Любичанковский С. В., Любичанковский В. А. Методологические регулятивы конкретно-исторического анализа повседневности // Повсед-

К. Н. Любутины и П. Н. Кондрашов отмечают, что, проводя анализ повседневности, необходимо базироваться на предложенном ими сущностном понимании повседневности как формы непосредственной человеческой деятельности, которая осуществляется в конкретной фактичности событийных ситуаций и представляет собой совокупность повседневного бытия (т. е. того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей) и обыденного сознания (т. е. того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей)²².

Итак, с одной стороны, повседневность — это пространство, на котором протекает человеческая жизнь, обогащенная опытом предков, где события частного бытия соприкасаются с историческим процессом, взаимопроникают и отражаются в восприятии их самим человеком²³. С другой стороны, повседневность — это сфера человеческой обыденности, реальность, в которую погружен человек с рождения; реальность, которая ощущается как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, наполненная будничными событиями²⁴. Согласимся с М. М. Кромом, отмечающим, что повседневность представляется субъективной реальностью, которая для самих людей кажется чем-то само собой разумеющимся и образует целостный жизненный мир²⁵.

Обобщая представленные определения и характеристики повседневности, в рамках данного исследования под повседневностью мы понимаем регулярно происходящие в обыденной жизни казаков явления действительности, восприятие их и отношение

iveness российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 5–6 ноября 2013 г.) : в 2 ч. / отв. за вып. Е. С. Субботина ; Пермский гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2013. Ч. 2. С. 31.

²² Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологические подходы. Екатеринбург, 2007. С. 260.

²³ Тимофеева Т. Ю. Повседневность и ее история в научном познании: сосуществование в противоборстве : научный доклад [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.readkong.com/page/povsednevnost-i-ee-istoriya-v-nauchnom-poznanii-6563079> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁴ Карлсон Ю. В. Структуры повседневности: социально-философский анализ (теоретико-методологические аспекты). Пятигорск, 2011. С. 12–13.

²⁵ Кром М. М. Историческая антропология : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 173.

к ним, меняющееся под воздействием внешних факторов. Учитывая специфику объекта исследования — казачество, в качестве граней повседневности мы определяем две: военно-походную и «мирную», или станичную. При этом в структуре повседневности гражданской жизни рассматриваются взаимоотношения казаков с властью, экономические и трудовые отношения, быт, религиозно-культовые действия, формы будней, досугов и праздников. Изучение социального пространства казачьей жизни с применением стратификационного подхода позволило выявить специфические черты повседневности определенных групп: казачьей семьи, женщин, детей, иногородних станичных жителей, а также проследить проявление девиантных поведенческих особенностей в казачьей среде.

Анализ повседневности можно проводить на пространственно-временном, материально-предметном и ментальном уровнях²⁶.

Осмысление повседневных практик поведения человека в разных сферах его жизнедеятельности, анализ стратегий его выживания в постоянно трансформирующемся мире способствуют прояснению самого механизма существования общества, глубинных структур и социальных сетей его поддержания. Именно в пространстве повседневной жизни происходит усвоение и переработка либо неприятие нормативных практик, продуцируемых властью, вырабатываются механизмы взаимодействия или противостояния власти и общества²⁷.

Важную роль при изучении повседневной жизни казачества играет категория времени, являющаяся внутренним стержнем этой жизни, включающая значимые для данного человека события. Категория времени в исторической картине казачьего мира строится по двум основным моделям: мифологической и исторической, организуя события в постоянно повторяющийся и причинно-следственный ряды. Огромную роль здесь играют эмпирические представления, семейное и сакральное время, а также

²⁶ Карлсон Ю. В. Структуры повседневности: социально-философский анализ (теоретико-методологические аспекты) : монография. Пятигорск, 2011. С. 61.

²⁷ Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. С высоты птичьего полета, или Что привлекает современного исследователя в повседневном мире советского человека 1920—1940-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. : сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2009. С. 6.

темпоральные представления, складывавшиеся под влиянием устной и письменной исторической традиции²⁸.

Пограничное расположение казачьих территорий и сложившийся на них социально-экономический уклад позволяют нам определить зоны казачьего расселения как пограничную, колонизируемую территорию с подвижными границами и полиэтническим составом населения, т. е. фронтир²⁹. Концепция фронта была сформулирована в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Торнером³⁰. По его мнению, «границе» было присуще единство жизненного стиля, отличавшего фронтирный жизненный уклад от жизни в старых поселениях. Характерным признаком «фронтирных» территорий, по мнению И. В. Побережникова, является их заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское казачество на Юге Европейской России; Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещеряцкое войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые общества в Сибири и на Дальнем Востоке), установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник)³¹. Казаквед Д. В. Сень считает, что «казачьи фронтiry» были не только «контактными зонами», они относились к числу «горячих точек» евроазиатских границ, сложных пограничных зон³².

²⁸ Матвеев О. В. Историческая картина мира Кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII — начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 45.

²⁹ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 1 : Очерки истории / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 12.

³⁰ Turner F. J. The Frontier in American History. New York, 1920.

³¹ Побережников И. В. Фронтирная модернизация в российском цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации : материалы межрегион. науч. конф., 6–7 июня 2013 г. Новосибирск, 2013. С. 7.

³² Сень Д. В. Приграничье в истории черноморского казачества: некоторые факторы освоения пространства // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С. 50–51.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66